

УДК 1(091)

РОЛЬ ПАТРИСТИКИ И СХОЛАСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ Г.П. ФЕДОТОВА

С.П. Бельчевичен, В.Б. Рыбачук, И.А. Казанцева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.3.212

В статье анализируется влияние патристики и схоластики на эволюцию философского мировоззрения Г.П. Федотова. Важной вехой на этом пути явилось обращение Г.П. Федотова к наследию Августина Блаженного и Абеляра. Под влиянием западной традиции философ окончательно переходит от марксизма к неохристианству, пытаясь соединить веру и разум, синтезировать гуманизм и христианство, сблизить в духе экуменизма Восточную и Западную церковь. Изучение западной традиции во многом способствовало обращению Г.П. Федотова к проблемам агиографии в русском православии.

Ключевые слова: марксизм, патристика, схоластика, русская религиозная философия, экуменизм, агиография.

Патристика и схоластика являются системообразующими для эпохи Средневековья, победа христианского мировоззрения предопределила круг основных проблем, которые пытались решить Отцы Церкви. В частности, это вопросы онтологической градации бытия, веры и разума, тринитарности, природы Христа, доказательства бытия Абсолюта, универсалий. Г.П. Федотов обращается к христианской проблематике уже в зрелый период своего творчества. Его мировоззренческая эволюция первоначально была связана с русским марксизмом, от которого он постепенно отказывается в пользу религиозного толкования действительности. Данный эволюционный процесс оказался довольно длительным по времени – 1911–1924 гг. [1, с. 114–121].

Первым шагом на этом пути было обращение Г.П. Федотова к западной патристике. В 1911 г., изучив эпистолярное наследие одного из Отцов Западной церкви – Бл. Августина, он пишет работу «Письма Бл. Августина (Classis Prima)».

Главная задача молодого ученого состоит в том, чтобы показать, как эволюционировало мировоззрение Бл. Августина от античного неоплатонизма к христианскому мирозерцанию, «когда и как Августин-неоплатоник сделался христианином, из искателя истины, философа стал ее мнимым обладателем, апологетом церкви» [6, т. 1, с. 51]. Используя портретно-биографический метод, Г.П. Федотов пытается проследить, как менялось мироощущение Бл. Августина, опираясь на письма, опубликованные его учениками («classis prima»). Первые пись-

ма Бл. Августина, в интерпретации Г.П. Федотова, проникнуты стремлением найти новую истину в учении скептицизма, он ищет религиозные основания, солидаризируется с учением Платона и его учеников, так он думал угадать тайное, эзотерическое учение. «И это учение должно было быть не чем иным, как идеализмом», – замечает русский автор [6, т. 1, с. 54]. Бл. Августин убежден, что за внешними проявлениями материального мира стоят высшие метафизические сущности. Впрочем, ранний Августин, рассматривая метафизическую модель мира, во многом опирается на античную традицию и не только на идеи Платона, но и Пифагора. «Для Августина числа – *divini numeri* – метафизическое понятие; вместе с идеями – *rationes* – они образуют неизменную сущность мира. Они же – конструктивные элементы всех наук. В одном из своих произведений Августин приходит даже к предположению: не есть ли сама душа число?» [6, т. 1, с. 57].

Переосмысляя идеи Пифагора, Августин предполагает существование двух видов чисел: интеллигибельные и чувственные, т. е. материальные величины (*corpore quantitates*). Первые порождают феномены метафизического мира, ибо стремятся к бесконечности, вторые связаны с реалиями материального мира [6, т. 1, с. 57]. В этом сказывается все превосходство интеллигибельного мира над телесным, все его богатство, как полагает Бл. Августин. В ранних письмах «*Classis prima*» Бл. Августина Г.П. Федотов обнаруживает доказательство бессмертия души, разрабатываемое отцом церкви: «Сущность его сводится к тому, что истина заключается в интеллекте, интеллект в духе, а истина и, следовательно, дух не могут умереть» [6, т. 1, с. 58]. Г.П. Федотов акцентирует внимание на двух моментах: бесспорной оригинальности данного тезиса и рациональном подходе, предлагаемом Бл. Августином. Он ищет аргументы, в которые он верит, соединяя доводы разума и веры. Благодаря переписке Бл. Августина с его учениками, становится возможным реконструировать и гносеологические воззрения христианского автора. В отличие от средневековой традиции, толковавшей теорию познания Бл. Августина в ортодоксальном свете, Г.П. Федотов, опираясь на переписку отца церкви и его учеников, приходит к нетривиальному выводу: «Но, если мы с этой, заранее составленной теорией обратимся к нашим письмам, мы будем очень изумлены: здесь утверждается дуализм познания и взаимодействие души и тела» [6, т. 1, с. 62]. Сущность теории познания сводится Г.П. Федотовым к ряду позиций. В наследии Бл. Августина существует два рода познания: чистое, рациональное постижение вечных истин и чувственное. Возможность «чистого» познания Августин связывает с теорией предсуществования души, как подчеркивает Г.П. Федотов [6, т. 1, с. 62]. В то же время чувственное познание создает образы, внушаемые нашему сознанию органами чувств, за которыми всегда стоит интеллект и познающая душа. Таким образом, душа без телесных чувств не может создавать материальных

образов: «Образы нашего воображения, мой Небридий, не что иное, как наваждение чувств (*plaga*); и они – эти чувства – не только дают напоминание (*commemoratio*), как ты пишешь, душе при образовании этих лживых представлений, но прямо внушают ей (*inlatio*) или, выражаясь резче, запечатлевают их (*impressio*)», – пишет уже сам Августин, подчеркивая роль телесных ощущений, ведущих к истине [6, т. 1, с. 62]. Проблему взаимодействия души и тела Бл. Августин также решает с позиции дуализма. Он убежден в том, что «всякое проявление духа оставляет в теле человека определённый след (*vestigium*). Особенно ярко запечатлеваются следы гнева, радости. Однако не все проявления духа фиксируются чувствами человека. Впрочем, к этому способны только отдельные люди, обладающие тончайшим чувством. Подобные духовные интенции приводят в движение присутствующие в нашем теле следы элементов представлений, и их сложные сочетания вызывают различное содержание мыслей и снов индивида» [6, т. 1, с. 64].

Анализируя наследие Бл. Августина, Г.П. Федотов приходит к выводу, что в гносеологии и психологии христианского мыслителя происходит уклон в сторону дуализма. Он предполагает, что эта эволюция объясняется отрицательным влиянием манихейства, полемикой, которую вел отец церкви с данным течением в христианстве [6, т. 1, с. 66]. Ранний Августин пытается решить и тринитарную проблему, обращаясь к истолкованию догмата троичности. «Я выбрал этот труднейший из всех твоих вопросов, чтобы скорее ответить на него; но более других достоин он труда над ним подумать», – пишет Бл. Августин своему ученику [6, т. 1, с. 67]. Г.П. Федотов обращает внимание на то, что аргументация и система доказательств отца церкви во многом связана с античной традицией. В каждой вещи, согласно Бл. Августину, проявляется тайна троичности: ее существование, определенная форма бытия и его неизменность. И в основе мира заложены эти три начала: «*causa naturae*» – причина; «*species*» – «идея» или «форма», через которую все происходит, и «*manentia*» – неизменность субстанции. «В этом для Августина содержание догмата Троицы и доказательство ее нераздельности», – заключает Федотов [6, т. 1, с. 67]. Особое значение Бл. Августин придает образу Христа, который искупил первородную греховность человечества, «принес истину и дал людям идеал жизни – в этом для Августина пока еще вся сущность искупления», – комментирует Г.П. Федотов [6, т. 1, с. 67]. Именно в письмах к Максиму, Целестину и Гаю, и особенно к Небридию, проявляются религиозные воззрения Бл. Августина. В последних письмах Бл. Августин погружается в повседневную христианскую жизнь своей общины, меняется стиль, слог писем. «Мы чувствуем, что с 391 г. мы переступаем какую-то грань. Резко меняется характер писем, их содержание и слог. Та медленная эволюция, которую мы наблюдали, обрывается или, лучше сказать, завершается слишком быстро» [6, т. 1, с. 76]. Бл. Августин, который жил идеями Платона и Христа, делает выбор в

пользу христианства. Для Г.П. Федотова, который также находится в поиске на пути к христианским ценностям, этот вывод чрезвычайно важен, ибо он отражает его собственные искания. Обращение к западной традиции также повлияло на формирование корпуса идей русского мыслителя, в своем наследии он попытался соединить западную и православную традицию, что в итоге приводит его к экуменическому пониманию исторического процесса.

Следующим этапом движения в этом направлении стала работа Г.П. Федотова «Абеляр» (1924). Г.П. Федотов как историк и медиевист не мог обойти вниманием зрелое Средневековье XI–XIII вв., когда, на его взгляд, зарождаются основы европейской культуры. В рамках философского дискурса на основе «рацио» решаются многие проблемы религиозной догматики. «Расцвет научной философии выдвигает проблему оправдания откровения разумом. Дух впервые сознает свою логическую мощь и ставит себе целью все понять, не уступить вере ни одной из ее тайн» [3, с. 8]. Именно в эту эпоху и жил Пьер Абеляр, чье наследие, по мнению Г.П. Федотова, так и не стало предметом научного анализа. Абеляр, его биография, личная жизнь стали предметом популяризации в ущерб его теологии, и данный подход к изучению наследия философа сохранялся довольно долго. Русский исследователь вновь выбирает портретно-биографический метод, справедливо полагая, что личная жизнь была одним из факторов, повлиявших на религиозную философию Абеляра. Поэтому работа разделена на три части: «Судьба», «Человек», «Мыслитель».

Формирование взглядов Абеляра происходило под влиянием идей Росцеллина, главы школы номиналистов, поэтому, обучаясь впоследствии в соборной школе Гильома де Шампо, представителя умеренного реализма, он вступал с ним в постоянные споры, где порой одерживал верх. Впрочем, как указывает Г.П. Федотов, Абеляр в споре об универсалиях шел своим собственным путём: «Вероятно, уже в то время Абеляр шел своим путем, средним между двумя направлениями. Это не значит, что он выступал примирителем, – он предпочитал бороться на два фронта» [3, с. 18].

Значительное влияние на творчество Абеляра оказал Ансельм Ланский (ученик самого Ансельма Кентерберийского), в школе которого он обучался позже. Справедливости ради отметим, что отношения между учителем и учеником не сложились, на диспуты, проводимые Абеляром, собиралось слушателей не меньше, чем на лекции самого Ансельма, ученик «перерос» своего учителя. «Абеляр в высшей степени владел искусством приковывать внимание аудитории, и на этом, в значительной мере, покоилось его личное обаяние», – подчеркивает Г.П. Федотов [3, с. 23]. Поэтому у самого Абеляра появляются ученики, которые достигли значительного карьерного роста в римской курии, став епископами и кардиналами. Не смог обойти Г.П. Федотов и любовь

Абеляра к Элоизе, чувство оказалось настолько сильным, что Абеляр заключает тайный брак, что окончательно разрушает его церковную карьеру. В конечном итоге он и Элоиза принимают постриг. Начинается новый этап в жизни Абеляра. Этот этап омрачен собором в Суассоне в 1121 г., где были осуждены тринитарные идеи Абеляра, и он был сослан в монастырь св. Медарда в Суассоне, который служил в то время духовной тюрьмой. Вскоре покровители помогают Абеляру покинуть это место, он основывает новую школу в Параклете. «Три года, проведенные Абеляром в Параклете (1122–1125), должны были быть самыми мирными и плодотворными в его жизни. Здесь он нашел свое “утешение”» [3, с. 43]. Однако судьба приготовила Абеляру множество испытаний, полемика с Бернардом Клервоским, одним из отцов церкви, по поводу рационализации веры и тринитарной проблемы закончилась осуждением взглядов Абеляра. Последние дни он проводит в Клуни под покровительством аббата Петра Достопочтенного. Г.П. Федотов, размышляя о судьбе Абеляра, пытается показать, что, несмотря на удары судьбы, Абеляр оставался верен своим идеям, критическому отношению к догматам веры, рационализации теологии, «просвещенной вере», и в то же время он оставался искренне верующим человеком, который мог любить, ненавидеть и ошибаться, поэтому Г.П. Федотов видит в его фигуре человека, который был предтечей позднего Средневековья и раннего Возрождения, в которых и появились идеи синтеза гуманизма и христианства. Неслучайно вторая часть работы Г.П. Федотова, посвященная Абеляру, так и называется «Человек».

Русский исследователь, пытаясь обосновать вышеизложенную позицию, пишет: «Личность Абеляра интересует нас не в своей эмпирической случайности, но в ее культурно-историческом положении: на путях к Ренессансу. Удаленность этих явлений не должна смущать нас. ...Нашей задачей будет – нарисовать не столько характер, сколько самосознание Абеляра. Только самосознание есть явление культуры, а не природы. Но природный характер служит материей для этической переработки и оценки, нормы которых даются в культуре. Поэтому нам не удастся избежать и вопросов, имеющих личный, внекультурный интерес» [3, с. 62]. При решении этой задачи Г.П. Федотов опирается на письма Элоизы и автобиографические заметки Абеляра «История моих бедствий». В этом произведении французский мыслитель ставит не религиозную, а нравственную цель: утешить друга в несчастье описанием своих бедствий, но это скорее форма произведения, навеянная влиянием Цицерона, суть в том, что говорить о своих страданиях – это глубоко личная потребность автора. Г.П. Федотов акцентирует внимание читателей на совершенно уникальной авторской позиции: «Абеляр первый в Средние века поднял голос, чтобы говорить о себе – не тоном кающегося грешника, но жалуясь и обвиняя. Не малая степень самосознания нужна была, чтобы дать дерзость для подобного литературного пред-

приятия» [3, с. 65]. В работе он постоянно апеллирует к наследию Оригена и Блаженного Иеронима. Но если первый важен ему в контексте методологии (введение в теологию через исследование философии), то страдания Иеронима – жизнь среди ложных друзей – находят в его душе самый живой отклик. Испытания, выпавшие на жизнь Абельяра, представляются Г.П. Федотову свидетельством его высокого христианского призвания [3, с. 74]. Однако он описывает больше свои страдания, чем предметы спора со своими оппонентами, как подчеркивает русский философ. Ещё одно довольно точное замечание: аскетизм Абельяра больше напоминает аскетизм ученого, а не монаха, исследователь отождествляет последнего с древними философами, он видит идеал духовного подвига в публичной жизни Диогена [3, с. 79]. Сознание Абельяра расколото, в его жизни нет внутренней последовательности, он не строит ее сам, он всегда уступает обстоятельствам и настроениям, что, безусловно, повлияло на философскую доктрину французского схоласта. Так, индивидуальные черты Абельяра-человека в значительной степени формируют его отношение к метафизической реальности [3, с. 114]. Третья глава посвящена собственно учению французского мыслителя.

Г.П. Федотов подчеркивает, что Абельяр обладал сильным и ясным умом, но построить целостную философскую доктрину ему так и не удалось. При анализе философского наследия Абельяра речь может идти лишь об отдельных тенденциях. Мировоззрение Абельяра формировалось под влиянием как античной, так средневековой традиции. Особенно большое воздействие на мировоззрение философа оказали Цицерон и Бл. Иероним. Абельяр был искусным интерпретатором, впитывал в себя идеи авторитетов церкви и античное наследие. Г.П. Федотов, подчеркивая эту особенность творчества французского мыслителя, его «ученую стратегию», пишет: «Но Абельяру свойственна более всех ясность достигнутого равновесия формы и содержания. Особенно искусен его метод пользования авторитетами. Он цитирует постоянно, как всякий средневековый магистр, но не скажешь, что он цитирует без разбора. Цитаты с непринужденностью ложатся под его перо, являясь естественным развитием его речи» [3, с. 119]. В одном из главных споров средневековья об универсалиях Абельяр занимает посредническую позицию между номинализмом и реализмом. Подчеркивая это обстоятельство, Г.П. Федотов пишет: «Абельяр подходит и с психологической стороны к вопросу о происхождении общих понятий. Они немислимы без чувственных образов. За восприятием чувств следует воображение с его смутными образами. На их основе уже разум (ratio) строит понятия (intellectus), выделяет природу и свойства в чувственном образе, постигая вещи как реальности или субстанции» [3, с. 128]. Но и в этом случае мы можем говорить о тенденциях, позиция Абельяра четко не очерчена.

Еще один важный вопрос в творчестве Абельяра – соотношение философии и теологии, разума и веры. Опираясь на «рацио», Абельяр

пытается аргументировать догматы веры. Ему недостаточно веры, необходимо и понимание проблемы, её критический анализ, опираясь на философскую диалектику, он идет намного дальше, чем Бл. Августин в своем «credo, ut intelligam». Божественное откровение – это озарение разума. Таким образом, Абельяр, сакрализируя знание, рационализирует веру [3, с. 135]. Французский схоласт убежден, что без понимания, которое может дать только разум, нельзя верить. «Он приходит к учению о вере, обоснованной разумом» [3, с. 135]. Отсюда, как полагает Г.П. Федотов, проистекает отношение Абельяра к авторитетам, «он относится к авторитетам свободно; желает иметь право обоснованного выбора. И даже библейские сюжеты подвергаются им литературному и критическому анализу» [3, с. 139]. Схоластический метод Абельяра (Sic et non) предполагает полемику полярных позиций, их анализ и принятие обоснованного самостоятельного решения проблемы. Именно этот метод оказал значительное влияние на развитие схоластики. Абельяр, по мнению Г.П. Федотова, предложил оригинальное решение ряда теологических проблем, опираясь на «рацио» и свободное волеизъявление человека, поэтому Г.П. Федотов видит в наследии Абельяра черты гуманистической идеологии, сближающей Абельяра с деятелями Возрождения. «Мы уже подчеркивали его гуманистические черты. Страстная, религиозная любовь к греко-римской античности, а еще больше чрезвычайно развитое самосознание, обостренный интерес к своей личности и высокая оценка ее, в связи со многими второстепенными чертами – классический язык, любовь к Цицерону, Иерониму и прочее, – роднят Абельяра с первыми гуманистами», – оценивая творчество Абельяра, пишет Г.П. Федотов [3, с. 155].

Изучение западной традиции во многом способствовало обращению Г.П. Федотова к агиографии. Наиболее значимым в этом плане является его труд «Святые Древней Руси» (1931), посвященный вопросам святости в православии. Опираясь на житийную литературу Древней Руси, автор стремится осмыслить условия канонизации святых: религиозный подвиг, заслуги перед Родиной, почитание народа, чудеса, засвидетельствованные православной церковью. Г.П. Федотов сумел создать яркую галерею образов русских святых, выявив особенности понимания святости и религиозного подвига в Средневековой Руси. Он исходит из положения, что вера разумна, подвиг святого – это действие осознанное, глубоко прочувственное и продуманное. Среди многочисленных образов святых мы находим и Михаила Тверского. Одержав победу над московско-татарским войском при Бортенево, он понимает, что расплата за неповиновение Орде неизбежна, но выбирает свой путь, совершая религиозный подвиг «за други своя». Вера помогает мужественно принять мученическую смерть, тем самым он спасает жителей Твери от разорения города и гибели. Это особый тип святости: «князя воители за землю русскую» [5, с. 96]. В вышедшей чуть ранее работе «Святой Филипп

митрополит Московский» он также акцентирует тему подвига. Митрополит происходил из рода Колычевых, особенно пострадавшего при Иване IV, его служение проходило в условиях опричнины. Именно Филипп выступил против гонений и массовых казней, против притеснений соотечественников, к какой бы социальной группе они ни относились. Он борется за правду против лжи, защищая свой народ, и ради веры и любви к своей пастве готов идти до конца. Его трагедия в том, что «святому исповеднику выпало испытать всю чашу горечи: быть осужденным не произволом тирана, а собором русской церкви и оклеветанным своими духовными детьми» [4, с. 156]. Последний год жизни он проводит в Отроч монастыре в Твери, где и был убит после того, как отказался благословить поход Ивана Грозного на Новгород, который сопровождался разорением русских городов и убийством русских людей.

Анализируя творчество западных Отцов Церкви Г.П. Федотов пытается выработать свое отношение к ряду религиозных проблем, дает их самостоятельную интерпретацию. В творчестве Бл. Августина его интересует достоверность источников и процесс эволюции отца церкви от античного неоплатонизма к христианству. Опираясь на портретно-биографический метод, Г.П. Федотов рассматривает наследие Абельяра, полагая, что его личностные свойства оказали влияние на учение схоласта. Он представлен в трудах Г.П. Федотова как деятель, стоявший у истоков западноевропейского Возрождения. Для творчества Г.П. Федотова обращение к средневековой традиции имело решающее значение, он окончательно переходит от марксизма к неохристианству, пытаясь соединить веру и разум, синтезировать гуманизм и христианство, сблизить в духе экуменизма Восточную и Западную церковь [2, с. 200–203]. Наследие западных Отцов Церкви способствовало его обращению к проблемам агиографии в русском православии.

Список литературы

1. Бельчевичен С.П., Рыбачук В.Б., Казанцева И.А. Формирование религиозного мировоззрения Г.П. Федотова: от марксизма к неохристианству и экуменизму // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: «Философия». 2019. № 3 (49). С. 114–121.
2. Михайлова Е.Е., Пьянова Л.В. Гуманистический смысл философии истории К.Д. Кавелина // Вестник Тверского государственного технического университета. 2007. № 11. С. 200–203.
3. Федотов Г.П. Абельяр. Петербург: Акционерное изд. об-во «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1924. 156 с.
4. Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит Московский. Paris: «YMCA PRESS», 1928. 226 с.
5. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 240 с.
6. Федотов Г.П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: «Мартис», 1996.

THE ROLE OF PATRISTICS AND SCHOLASTICISM IN THE FORMATION OF G.P. FEDOTOV'S RELIGIOUS PHILOSOPHY

S.P. Belchevichen, V.B. Rybachuk, I.A. Kazantseva

Tver State University, Tver

The article examines the influence of patristics and scholasticism on the evolution of G.P. Fedotov's philosophical worldview. Fedotov's appeal to the legacy of St. Augustine and P. Abelard should be considered as a milestone on this path. Under the influence of the Western tradition, Fedotova finally moves from Marxism to neo-Christianity, trying to combine faith and reason, synthesize humanism and Christianity, and bring the Eastern and Western churches closer together in the spirit of ecumenism. The study of Western tradition was largely facilitated by Fedotov's appeal to the problems of hagiography in Russian Orthodoxy.

Keywords: *Marxism, patristics, scholasticism, Russian religious philosophy, ecumenism, hagiography.*

Об авторах:

БЕЛЬЧЕВИЧЕН Сергей Петрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: belchev64@mail.ru

РЫБАЧУК Вадим Борисович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: vadim@forumtver.ru

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». E-mail: irina10768@mail.ru

Authors information:

BELCHEVICHEN Sergey Petrovitch – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: belchev64@mail.ru

RYBACHUK Vadim Borisovich – PhD (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University. E-mail: vadim@forumtver.ru

KAZANTZEVA Irina Aleksandrovna – PhD (Philology), Professor of the Department of journalism, advertising, and public relations, Tver State University. E-mail: irina10768@mail.ru